

А был ли спор?

Оживленное обсуждение темы, которая была поднята статьей Елены Жосул [«Церковноолбанский как предчувствие»](#), было продолжено рядом публикаций на портале «Приходы», представляющих самые разные точки зрения на вопрос о языке богослужения. Что такое церковнославянский язык: полученное нами от предыдущих поколений и поныне актуальное достояние или все-таки лишнее препятствие на пути тех, кто хочет понимать и чувствовать богослужение? Нужно ли переводить богослужебные книги на русский или редактировать существующие церковнославянские тексты, делая их более понятными для современных людей? Предлагаем читателям мнение профессора Свято-Филаретовского института Александра Копировского.

Замечательно, что интернет-портал «Приходы» уделил столько внимания теме богослужебного языка. Эта тема – одна из действительно актуальных для современной церковной жизни, о чем свидетельствует и разнообразие мнений в статьях, и живая, заинтересованная полемика в комментариях к ним. Однако нельзя не огорчаться из-за того, что аргументация здесь в некоторых случаях строится по принципу: сначала создадим «страшилку», а потом сами же ее раскритикуем. Вот и в размышлении Высокопреосвященного Лонгина, митрополита Саратовского и Вольского, опубликованном под названием [«Не отказываясь от наследства»](#), этот принцип присутствует.

В самом деле: уже в названии публикации предполагается, что существуют те, кто от церковного наследства хочет отказаться. Кто же это? Из дальнейшего текста выясняется, что под ними понимаются сторонники перевода богослужения на русский язык. Но разве само богослужение не есть наследие в большей степени, чем язык, на котором оно совершается? Что больше: золото церковных сосудов, текстов и т.п. или храм, освящающий это золото? Ответ известен. Однако название статьи, к сожалению, ориентирует в другую сторону. Допустим, что это редакционное, а не авторское название. Тем более, что оно находится в полном соответствии с редакционным вступлением, которое мягко, но определенно подталкивает читателя к тому, что учить церковнославянский, конечно, легче и лучше, чем заниматься переводами. В любом случае – изначальность оценки проблемы, естественно, задает тон всему последующему размышлению, что, увы, способствует порождению упомянутых «страшилок».

Вот первая из них: «...Если мы начнем служить на русском языке, значительная часть наших приходов будет протестовать». Скорее всего, это именно так. А может быть, и не совсем так. Разве приходы, точнее, самих прихожан, кто-нибудь спрашивал? Но если даже 99,99% будет против (в чем я лично сильно сомневаюсь), то почему не дать возможности оставшимся 0,01% служить на том языке, который они считают родным? Ведь братья-славяне – сербы, болгары, словаки – давно перешли в богослужении на свои национальные языки, сохраняя полную возможность для желающих служить на церковнославянском, греческом, русском и т.д.

А главное: разве кто-то из сторонников перевода предлагал насильно ввести везде русское богослужение? Вопрос, безусловно, риторический. Зачем же тогда подробно описывать печальные последствия этого деяния? Да и метод, позволяющий «не обижать» (выражение владыки) не только сторонников привычного языка, но и русского, известен, он давно уже разработан. И не кем иным, как участниками Поместного Собора Российской Православной Церкви 1917-18 гг., который возглавлял Святейший Патриарх Тихон. Комиссия, занимавшаяся вопросом перевода богослужения, положительно отнеслась к инициативе ряда епископов, священников и мирян по решению этой проблемы и [рекомендовала](#) местным Преосвященным давать благословение на него отдельно в каждом конкретном случае, если есть просьба об этом того или иного прихода. Итак, если в приходе нет разделений по поводу богослужебного языка, служба ведется на русском или украинском и т.п. Прекрасное решение! Ведь, кроме этого, возможны и разные варианты, например: неделя так, неделя – по-другому или как-то еще...

Конечно, прежде принятия такого решения в приходе могут быть и споры, и разномыслия. Так пусть они будут, «да откроются – по слову святого апостола Павла, – искусные!» (1 Кор. 11:19). Если и есть в наших приходах крикуны, не они же составляют приходское ядро. Зато это подвигнет многих к тому, чтобы серьезно обосновать свое мнение, кто-то поближе познакомится со славянским языком, кто-то – с русским, и все вместе – с богослужением.

Пока же никакого спора, упомянутого в статье, и даже просто общего разговора, увы, не было и нет. Ведь спор предполагает слышание оппонента (кстати говоря, не «прохожанина» или «православного» атеиста, какие теперь тоже имеют место быть, а реального члена Церкви). И разбор его конкретных аргументов, а не созданных собственным воображением чудовищ.

Что же есть? Есть лишь перечисление причин, «почему нельзя», и стандартный набор обвинений тех, кто не придерживается этого мнения, в лени и невежестве, а то и в ереси. Ну, с первым кто не согласится? Вот и Пушкин писал, что мы ленивы и нелюбопытны. Что же касается последнего, т.е. ереси, то стоит вспомнить, как когда-то молились святые просветители славян Кирилл и Мефодий: «Господи, погуби трехязычную ересь!», имея в виду устойчивое суждение о возможности богослужения лишь на трех «священных» языках: еврейском, греческом и латинском. Что уж говорить об одном...

Возвращаемся к «страшилкам», связанным с переводом богослужения. Вот вторая: неблагозвучность, сухость, узость, испорченность неологизмами, иностранщиной и т.п. современного разговорного русского языка, уже совсем не великого и не могучего. Но разве именно на такой язык предполагается делать (и уже делается) перевод? Опять риторический вопрос... Ведь традиция богослужебных переводов и обсуждений этой проблемы насчитывает, слава Богу, даже не сто лет, как говорится в статье, а больше двухсот. Возьмем более близкие примеры. На какой русский язык переводил богослужебные тексты профессор МДА Евграф Ловягин? Священник Иоанн Беллюстин? Сенатор, товарищ обер-прокурора Священного Синода Николай Нахимов? Священномученик иеромонах Феофан (Адаменко)? Митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим (Ротов)? Епископ Русской Зарубежной Церкви Александр (Миллеант)? Иеромонах Амвросий (Тимрот)? Священник Георгий Кочетков, переводческую деятельность которого одобрял академик Аверинцев? Да, совершенства там нет. Но разве есть «открою рот мой, и наполнится воздуха»?

Теперь отдельно о лени и невежестве сторонников перевода, не желающих учиться славянскому (тем более, как пишет владыка Лонгин, «там и учить нечего»), – это «страшилка» третья.

Позволю себе не согласиться с владыкой и здесь. За 43 года церковной жизни (я крестился сознательно, после оглашения, в 20 лет, в 1971 году) у меня была возможность достаточно хорошо познакомиться с церковнославянским языком. Как в теории, под руководством опытных преподавателей, так и на практике – в богослужении (долгое время был чтецом) и личной молитве. И могу с уверенностью сказать: знание двух-трех десятков славянских слов создает лишь видимость решения проблемы. Сложная система окончаний по временам, падежам и числам. Делющие недоступным смысл текста кальки с греческого в строении целых фраз (помню, как чуть не полчаса доктор филологии, церковный человек, пыталась перевести ирмос «Божественным покровен медленноязычный мраком извитийствова богописанный закон ...» – до конца его не привожу, знающий уразумеет. Не смогла!). Паронимы, дающие обманчивое представление о смысле вроде бы понятного слова («иногда» – «когда-то», «напрасно» – «внезапно» и т.д.), а ведь таких слов, согласно словарю О.А. Седаковой, больше тысячи. Не говорю уж о двусмысленных в контексте, даже более-менее известных словах и выражениях (вроде «живота просиша у Тебе, и дал еси им» в чине венчания, и др.). Все это ставит перед тем, кто желает адекватно использовать в молитве славянский язык, совсем не легкую задачу.

Предположим (предположим!), он ее решит. Но и тогда он придет не к пониманию богослужения, а к пониманию слов богослужения, что далеко не одно и то же. И столкнется с новыми проблемами, которые

описала Т. Зайцева в [статье](#) здесь же, на портале «Приходы»: раздвоенное сознание, эстетизация восприятия текста и т.п. Разумеется, это не повод для того, чтобы не учить язык (особенно тем, кто может это делать всерьез, а не по верхам – но таких меньшинство). И лучше иметь эти проблемы, чем не понимать ничего, почти ничего или понимать «свободно», «как сердце подскажет»... Не забуду ответа одного священника, магистра богословия МДА и ревностного «борца за Православие», на вопрос прихожан: «Батюшка, что такое мшелоимство?». Он, ничтоже сумняся, сказал: «Мне ближе (!) такое понимание: это, знаете ли, некая замшелость, дремучесть...» Может, шутил? Но есть ведь и сторонники применения подобного метода всерьез...

Поэтому с двумя последними тезисами владыки Лонгина я полностью согласен. А именно: да, нужно учить церковнославянский. Хотя бы для того, чтобы реально увидеть масштабы бедствия. Оно – в непонимании, а значит, и в недостаточной полноте участия в богослужении многих мирян и священнослужителей (говорю не умозрительно, а слыша и читая свидетельства об этом их самих). И второй: да, нужны хотя бы, как владыка пишет, «упрощенные славянские переводы» богослужения. Но вот уже 23 года нашей свободе – и где они? А ведь о необходимости таких переводов писал еще святитель Феофан Затворник.

Что же касается заслуженных и незаслуженных упреков и обвинений в неточности, неблагозвучии и проч. новых переводов – пусть; как говорится, брань на ворота не виснет. Не ошибается лишь тот, кто ничего не делает. И улучшать переведенное – несравнимо более благородная задача, чем, ссылаясь на необходимость для этого святости, всему, что летит, идет, плывет, дышит, полагать «предел ..., егоже не преjdeши». Все-таки, последнее, в соответствии с текстом Писания (Пс. 103:9) – дело Божие, а не человеческое.

Александр КОПИРОВСКИЙ, профессор Свято-Филаретовского православно-христианского института (Москва)

28.07.2014г.